Свифт Джонатан
Полное и правдивое известие о разразившейся в прошлую пятницу битве древних и новых книг в Сент-Джеймской библиотеке

Джонатан Свифт. Избранное. — Л.: Художественная литература, 1987. — С. 277-294.

КНИГОПРОДАВЕЦ — ЧИТАТЕЛЮ

Следующее ниже рассуждение принадлежит несомненно тому же автору, что и предыдущее, а посему, можно полагать, оно было написано примерно в то же время, а именно в 1697 году, когда бушевала известная распря по поводу \древней\\ и \новой\\ учености. Спор возник после появления опыта на эту тему сэра Уильяма Темпла. Далее последовал ответ У. Уоттона, бакалавра богословия, с приложением, написанным д-ром Бентли, где тот пытался опорочить сочинителей Эзопа и Фаларида, которых сэр Уильям Темпл немало восхвалял в своем вышеупомянутом опыте. В этом приложении доктор свирепо напал на новое издание Фаларида, выпущенное достопочтенным Чарлзом Бойлем (ныне графом Оррери), на что г. Бойль отвечал обстоятельно со всею ученостью и остроумием, а доктор пространно ему возражал. В ходе спора публика была крайне возмущена, видя, что два вышеозначенных почтенных джентльмена без каких-либо оснований грубо обращаются со столь достойной и заслуженной особой, как сэр Уильям Темпл. Раздору не было конца, и тогда, повествует наш автор, КНИГИ в Сент-Джеймской библиотеке, причисляя себя к наипаче заинтересованным сторонам, включились в спор и завязалась решительная битва. Однако рукопись, пострадавшая от непогоды или какой иной случайности, повреждена в некоторых местах, и мы так и не можем узнать которая же из сторон одержала победу.

Должен остеречь читателя, дабы он не прилагал к людям то, что здесь говорится в буквальном смысле лишь о книгах. Например, если упомянут Вергилий, мы должны понимать, что речь идет не об особе славного поэта, носившего это имя, но всего лишь о неких бумажных листах, переплетенных в кожу, на которых напечатаны творения названного поэта, и то же относится к остальным.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Сатира — род зеркала, где каждый, кто в него глядится, находит обыкновенно все лица, кроме собственного; и поэтому, главным образом, она встречает в свете благосклонный прием и мало кого оскорбляет. Но и в противном случае опасность была бы невелика: многолетний опыт научил меня не опасаться неприятностей со стороны тех, кого мне удавалось раздразнить. Ибо хотя телесные силы напрягаются под действием гнева и ярости, силы умственные в то же время расслабляются, и все старания ума становятся тщетными и бесплодными.

С иного мозга можно лишь единожды снять сливки; так пусть же обладатель осторожно собирает их и расходует свой небольшой запас экономно, а пуще всего да остережется он ударов сильнейших противников, которые могут взбить их до состояния дерзкого безрассудства, а \новых\\ ему уже неоткуда будет набраться. Разум без знаний — это род сливок, которые за ночь скопляются наверху, и искусная рука сумеет их взбить; но, коль скоро они сняты, то, что осталось внизу, никуда не годится, разве что на пойло для свиней.

ПОЛНОЕ И ПРАВДИВОЕ ИЗВЕСТИЕ О РАЗРАЗИВШЕЙСЯ В ПРОШЛУЮ ПЯТНИЦУ БИТВЕ И Т. Д.

Каждый, кому приходится изучать с должной обстоятельностью \годичные альманахи\\, не раз прочтет, что «война есть дитя гордыни, а гордыня — дщерь богатства»[1]. Первое из этих утверждений может быть признано без труда, но едва ли кто согласится с последним; ибо гордыня состоит в ближайшем родстве по отцу или по матери, а иногда и по обоим, с нищенством и нуждою, и, говоря по правде, людям редко случается ссориться, когда у них всего вдоволь, а набеги обычно совершаются с севера на юг, то есть от скудости к изобилию. Древнейшие и наиболее естественные основания раздоров суть вожделение и алчность, которые, хотя, пожалуй, и состоят в близком или отдаленном родстве с гордыней, но являются прямыми потомками нужды. Ибо, если говорить языком политических сочинителей, то, наблюдая республику собак (которая в исходном состояний представляется объединением многих), мы обнаружим, что при достатке пищи вся держава находится в состоянии полнейшего мира, а гражданские свары возникают тогда лишь, когда некий собачий вождь захватит большую кость, которую либо делит с немногими, что приводит к олигархии, либо оставляет себе, и тогда устанавливается тирания. То же положение имеет место при несогласиях, какие наблюдаются, когда среди них объявится сука в течке. Ибо, поскольку право обладания принадлежит всем (а в столь деликатном случае невозможно утвердить собственность), ревность и подозрительность распространяются с такою силой, что все собачье государство данной улицы ввергается в состояние открытой войны всех против всех, пока некто один, более храбрый, умелый или удачливый, чем прочие, не захватит добычу и не насладится ею вполне, после чего вся злость и рычание остальных обращаются против счастливого пса. Точно так же, если мы станем рассматривать одну из таких республик, находящихся в состоянии войны, все равно — наступательной или оборонительной, то обнаружим, что основанием и причиною раздора служат те же самые соображения и что действия зачинщика распри во многом обусловлены тою или иною степенью бедности или нужды (неважно, действительной или мнимой), равно как и гордыней.

Итак, тот, кому будет угодно принять это построение и приложить его к государству ума, или ученой республике, легко обнаружит первичные основания разногласий между нынешними двумя великими воюющими партиями и выведет справедливые заключения о достоинствах каждой из них. Однако не так-то просто предугадать события и исход этой войны; ибо горячие головы с той и с другой стороны разжигают нынешний раздор с такою силой, а всевозможные их притязания столь непомерны, что не допускают ни малейшей попытки достичь соглашения. Раздор этот впервые возник (как мне довелось слышать от одного старика, проживавшего по соседству) по поводу крохотного клочка земли, лежащего и находящегося на одной из двух вершин горы Парнас, из которых более высокой и обширной, видимо, с незапамятных времен спокойно владели некие жители, именуемые \древними\\, а другою владели \новые\\. Эти последние, недовольные своим положением, направили к \древним\\ посланцев с жалобой на чрезвычайное неудобство, причиняемое высокой частью Парнаса, которая заслоняет им вид, особенно на \восток\\, а потому, во избежание войны, предлагали следующий выбор: либо \древние\\ соблаговолят переместиться со всем своим достоянием на более низкую вершину, которую \новые\\ милостиво им уступят, а сами перейдут на

[1] Богатство порождает гордыню; гордыня — причина войны, и т. д. См.: «Эфемериды» Мери Кларк, optima editio [лучшее издание (лат.). *Переводы латинских цитат, заключенные в квадратные скобки, принадлежат А. А. Франковскому или редакции.*].

их место, либо же реченные \древние\\ разрешат \новым\\ прибыть с лопатами и мотыгами и срыть реченную вершину до того уровня, какой те сочтут удобным. На это \древние\\ ответили, что никак не ожидали получить подобное послание от колонии, которой сами же милостиво разрешили расположиться в столь близком соседстве. Что же касается их собственного местопребывания, они здесь коренные жители и всякие разговоры об их переселении или какой-либо иной уступке им попросту непонятны. А если высота горы с их стороны заслоняет \новым\\ вид, то они этого устранить не в силах, но предлагают тем подумать, не вознаграждается ли с лихвою данный недостаток (буде таковой существует) тенью и укрытием, какие он доставляет. Предложить же сравнять или срыть их вершину можно лишь по глупости или невежеству: разве \новым\\ не ведомо, что эта сторона горы — сплошная скала, о которую разобьются их орудия и сердца, не причинив ей ни малейшего изъяна. А потому они советуют \новым\\ не мечтать о том, Как бы унизить вершину \древних\\, но постараться возвысить собственную на Что они, \древние\\, не только дадут свое согласие, но и будут изрядно тому поспешествовать. Все это с великим негодованием было отвергнуто \новыми\\, которые продолжали настаивать на удовлетворении одного из двух своих требований, и в итоге разногласий вспыхнула продолжительная и упорная война, поддерживаемая с одной стороны решимостью и бесстрашием некоторых вождей и их союзников, а с другой — многочисленностью войска, непрерывно пополняемого при всяком поражении новобранцами. В ходе этой распри были исчерпаны целые реки чернил, и злоба обеих партий неизмеримо возросла. Здесь следует заметить, что во всех битвах ученых мужей главным метательным средством служат чернила, переносимые особым снарядом, именуемым перо, и доблестные воины с каждой стороны с равным умением и свирепостью мечут в противника бесконечное число этих перьев, словно сражаются дикобразы. Пагубная эта жидкость была составлена ее изобретателем из двух снадобий, а именно из желчи и купороса, дабы они своими горечью и ядом не только отвечали в какой-то мере духу сражающихся, но и разжигали бы его. А коль скоро греки, когда после битвы они никак не могли решить, кто же все-таки победил, имели обыкновение воздвигать трофеи с обеих сторон, и побежденные бывали довольны тем, что несут равные издержки и тем самым сохраняют свое достоинство (похвальный древний обычай, успешно возрожденный недавно в военном искусстве), то и ученые мужи после жестокого и кровавого спора также вывешивают с обеих сторон свои трофеи, сколь бы худо ни обернулась для них распря. На этих трофеях пространно начертаны обстоятельства дела: полное и беспристрастное описание битвы, из чего явствует, что победа досталась той самой партии, которая их водрузила. Трофеи эти известны свету под разными названиями, а именно: \споры, доказательства, частные соображения, ответы, возражения, замечания, размышления, протесты, опровержения\\. Они сами или их представители [2] вывешиваются на несколько дней во всех общественных местах для всеобщего обозрения, а затем самые важные и большие переносятся в особые хранилища, именуемые библиотеками, где они и остаются в помещениях, нарочно им предназначенных, и с того времени начинают именоваться \полемическими книгами\\.

В эти книги чудесным образом исподволь проникает и там хранится дух каждого воина, пока тот жив, а после смерти сама душа его туда переселяется и вдохновляет их. Таково, по крайней мере, распространенное мнение; но я считаю, что библиотеки подобны другим кладбищам, где, как утверждают иные философы, некий дух, которого они называют \brutum hominis\\[3], витает над памятником до

[2] Их титульные листы.

[3] Человеческое скотство (лат.)

той поры, покуда тело не разложится и не обратится в прах или станет добычей червей, после чего он исчезает или распадается. Точно так же, можно сказать, беспокойный дух обитает и в каждой книге, покуда она не станет прахом или ею не завладеют черви, что с одними случается через несколько дней, а с другими позднее; а поскольку в полемических книгах обитают самые бесчинные духи, их обычно заключают в особое жилье, отдельно от остальных, и, опасаясь их междоусобной свары, наши предки для поддержания мира предусмотрительно решили приковывать их железными цепями. Такой способ был придуман по следующему случаю. Когда творения Дунса Скота впервые вышли в свет, их доставили в одну большую библиотеку, где отвели им особое помещение; но едва лишь этот автор там обосновался, как отправился навестить своего учителя Аристотеля, и оба они сговорились захватить силою Платона и стащить его со старинного места среди богословов, где он мирно обитал почти восемьсот лет. Попытка их удалась, и два захватчика воцарились с тех пор вместо него; но тогда же для соблюдения в будущем спокойствия и порядка было установлено, что все полемисты большого формата должны содержаться на цепи.

Благодаря этой предосторожности в библиотеках мог бы, конечно, сохраняться мир, если бы в последние годы не появились особые виды полемических книг, преисполненные крайне зловредным духом вышеупомянутой войны между учеными мужами за более возвышенную вершину Парнаса.

Когда такие книги были впервые допущены в публичные библиотеки, я, помнится, сказал по этому поводу некоторым заинтересованным лицам, что они непременно учинят беспорядки везде, где бы ни очутились, если только не будут приняты самые строгие меры предосторожности; а потому я советовал, чтобы сильнейшие воины с каждой стороны были расставлены попарно или как-либо иначе перемешаны, и тогда, подобно смешению противоположных ядов, их зловредные свойства взаимно друг друга поглотят. И, по-видимому, не был я дурным провидцем или дурным советчиком, ибо только из-за небрежения этой предосторожностью в прошедшую пятницу представился случай разразиться жестокому сражению между \древними\\ и \новыми\\ книгами в королевской библиотеке. Теперь же, коль скоро разговор об этой битве у всех на устах и город с нетерпением жаждет услышать подробности, я, обладая всеми необходимыми качествами историка и не принадлежа ни к одной из заинтересованных партий, решил уступить настоятельным просьбам моих друзей и написать полный и беспристрастный отчет о происшедшем.

Хранитель королевской библиотеки — особа весьма доблестная, но прославленная главным образом своим человеколюбием[4], — был ярым борцом за \новых\\, и в одном из сражений на Парнасе поклялся повергнуть наземь собственными руками двух \древних\\ вождей, которые охраняли узкий проход в более высокой скале. Однако, когда он пытался вскарабкаться наверх, ему жестоко мешали его злополучный вес и тяготение к своему центру — свойство, в высшей степени присущее представителям \новых\\; ибо легкость в мыслях позволяет им проявлять чрезвычайную живость в умозрительных построениях, и они воображают, что нет высоты для них недосягаемой, однако, когда переходят к делу, обнаруживают, что увесистый зад и пятки тянут их вниз. Итак, потерпев неудачу, обескураженный борец затаил жестокую злобу против \древних\\ и решил утолить ее, выказывая все знаки расположения к книгам их противников и предоставляя последним лучшие помещения, тогда как всякая книга, дерзнувшая признать себя

---

[4] Достопочтенный г. Бойль в предисловии к своему изданию Фаларида сообщает, что библиотекарь отказался выдать ему рукопись pro solita humanitate sua [сообразно с обычным своим человеколюбием.— лат.].

защитницей \древних\\, была заживо погребена в каком-нибудь темном углу под угрозой быть выброшенной за Дверь при малейшем проявлении неудовольствия. Кроме того, случилось так, что примерно в то же время книги в библиотеке странным образом перемешались, чему приводились различные объяснения. Одни приписывали это огромному облаку ученой пыли, которую резкий порыв ветра сдунул с полки \новых\\ в глаза библиотекарю. Другие утверждали, что он имел прихоть выискивать в ученых сочинениях червей и заглатывать их живьем и натощак, причем одни из них падали ему в селезенку, а другие лезли наверх, в голову, причиняя обеим большое расстройство. Наконец, третьи придерживались того мнения, что, долго блуждая по библиотеке в потемках, он совершенно позабыл ее расположение, а потому, расставляя книги, вполне мог ошибиться и запихнуть Декарта рядом с Аристотелем; бедный Платон оказался между Гоббсом и «Семью мудрецами», а Вергилий был стиснут Драйденом с одной стороны и Уитером с другой.

Между тем книги — защитники \новых\\ — избрали из своей среды один том и поручили ему обойти всю библиотеку, выяснить численность и силы их войска и согласовать действия. Этот посланник выполнил все на совесть и воротился с перечнем наличных сил, которые насчитывали всего пятьдесят тысяч, состоявших главным образом из легкой кавалерии, тяжело вооруженной пехоты п наемников: однако большая часть пехоты была весьма скверно вооружена и еще хуже экипирована, у кавалеристов лошади были большие, но тощие и пугливые, и лишь немногие воины, которым доводилось торговать с \древними\\, имели довольно сносное снаряжение.

Тем временем волнение достигло крайних пределов и повлекло за собою явный раздор; пылкие речи раздавались с обеих сторон и еще больше горячили дурную кровь. Тогда некий \древний\\, жестоко стиснутый посреди целой полки \новых\\, предложил открыто обсудить предмет спора и доказать со всей очевидностью, что первенство принадлежит \древним\\ как но праву долгого владения, так и на основании их благоразумия, возраста и, что важнее всего, огромных заслуг перед \новыми\\. Но последние отвергли все доводы и, казалось, были весьма поражены, как это \древние\\ смеют настаивать на своем старшинстве, когда совершенно ясно (если уж на то пошло), что \новые\\ являются несравненно более \древними\\[5] нежели их противники. Далее они категорически отрицали, будто чем-либо обязаны \древним\\. «Правда, — говорили они, — кое-кто из нас, как известно, оказался столь ничтожным, что заимствовался у вас; но остальные, составляющие несравненное большинство (и особенно мы, французы и англичане), так далеки от столь гнусного унижения, что до сего времени не обменялись с вами и полудюжиной слов. Мы сами взрастит своих коней, сами выковали себе оружие, сами скроили и сшили себе платье». Платон случайно находился на соседней полке, и, оглядев ораторов, имевших весьма жалкий вид, о чем сказано выше, их одров, отощалых, с разбитыми ногами, их оружие из гнилого дерева, их проржавевшие доспехи, надетые прямо на тряпье, расхохотался и с присущей ему веселостью поклялся богами, что вполне им верит.

Итак, \новые\\ вели свои переговоры, нимало не соблюдая тайны, и тем самым привлекли внимание противника. Те их защитники, что начали распрю, заведя спор о старшинстве, так громко вопили о предстоящей битве, что Темплу довелось их услышать, о чем он немедленно известил \древних\\, а те, собрав тотчас свои рассредоточенные войска, решили занять оборону; после чего на их сторону перебежали некоторые из \новых\\ и Темпл в том числе. Этот Темпл, воспитанный среди \древних\\ и долгое время общавшийся с ними, был ими любим более, чем

[5] Согласно новому парадоксу.

кто-либо из \новых\\, и он стал их лучшим бойцом.

Положение было критическим, когда случилось одно немаловажное происшествие. Дело в том, что в самом высоком углу большого окна обитал паук, который раздулся до огромных размеров, уничтожив несметное множество мух, чьи останки валялись перед воротами его дворца, подобно человеческим-костям перед пещерой великана. Дороги к его замку, согласно \новыми\\ приемам фортификации, были преграждены рогатками и палисадами. Миновав несколько дворов, вы попадали в центр, откуда могли видеть самого владельца в его жилище с окнами, выходившими каждое на одну из дорог, и дверями, служившими для вылазок за добычей и для обороны. В этих хоромах он прожил уже немалый срок в мире и довольстве, не страшась опасности ни для своей особы от ласточек сверху, ни для своего дворца от метлы снизу, когда судьбе было угодно принести туда бродячую пчелу, и ее любопытству открылось разбитое стекло в окне; она влетела внутрь, полетала туда-сюда, а затем случайно села на одну из наружных стен паучьей крепости, которая, не выдержав необычной тяжести, опустилась до самого основания. Трижды пыталась пчела пробиться дальше, и трижды все сооружение сотряслось. Паук, сидевший внутри, ощутив ужасное содрогание, решил попа чалу, что наступила конечная гибель естества или что Вельзевул со всеми своими легионами пришел отомстить за смерть многих тысяч подданных, коих убил и пожрал его супостат. Все же напоследок, набравшись храбрости, он решил вылезть наружу, навстречу своей судьбе. Между тем пчела выпросталась из тенет и, расположившись в безопасности на некотором расстоянии, принялась чистить крылья, освобождая их от клочь ев паутины. Тогда паук отважился выглянуть; увидав пробоины, развал и разрушения в своей крепости, он чуть было не помешался; бушевал и бранился как сумасшедший и так раздулся, что едва не лопнул. Наконец, разглядев пчелу (а они знали друг друга в лицо), он рассудительно вывел причины из следствий. «Разрази тебя чума, — сказал он, — беспутная шлюха! Ты, что ли, учинила эту дьявольскую кутерьму? Ослепла ты, что ли, будь ты проклята? Уж не думаешь ли ты, что мне нечего делать (черт бы тебя побрал!), кроме как чинить да прибирать после твоей задницы?» — «Славно сказано, приятель, — ответствовала пчела, которая уже успела очиститься и была расположена шутить. — Даю тебе честное слово, что вовек не приближусь к твоему жилью; отродясь не влезала в такую мерзость». — «Негодная, — отвечал паук, — кабы не древний обычай нашего рода, запрещающий выходить навстречу врагу, я б тебя выучил правилам приличия». — «Успокойся, прошу тебя, — сказала пчела, — не то ты израсходуешь свои внутренности, а они, насколько могу судить, тебе еще весьма понадобятся при починке дома». — «Ах ты дрянь! — возразил паук. — Полагаю, тебе следовало бы относиться с большим почтением к особе, которую весь свет ставит не в пример выше тебя». — «Поистине, — сказала пчела, — такое сравнение весьма похоже на шутку; не будешь ли ты столь любезен, чтобы поведать мне, какие доводы угодно приводить всему свету в столь многообещающем споре». Тогда наук, раздувшись, принял позу диспутанта и начал спор в подлинно полемическом духе, с твердым намерением быть грубым и злым, настаивать на собственных доводах, не обращая ни малейшего внимания на ответы или возражения противной стороны и оставаясь решительно предубежденным против всяких уступок.

«Я не унижусь настолько, — сказал он, — чтобы сравнивать себя с таким негодным созданием. Что ты такое, как не бродяга без очага и крова, без роду и племени, кому от рождения достались лишь пара крыльев да жужжалка! Чтобы существовать, ты повсеместно грабишь природу — разбойница полей и садов, — и готова обокрасть и крапиву и фиалку — лишь бы поживиться. Тогда как я — существо домашнее с природным достоянием, сокрытым внутри меня. Этот прекрасный замок (свидетельство моих успехов в математике) я целиком построил

своими руками и все материалы извлек из собственной особы».

«Я рада, — ответила пчела, — слышать твое признание, что по крайней мере мои крылья и голос достались мне честным путем; ибо тогда, очевидно, своими полетами и музыкой я обязана одним лишь небесам; а Провидение никогда бы не наградило меня двумя такими дарами, если бы не назначило их для благороднейших целей. В самом деле, я навещаю все полевые и садовые цветы, но та дань, какую я взимаю с них, обогащает меня, не нанося никакого ущерба ни их красоте, ни аромату, ни вкусу. Что же касается тебя и твоих способностей к архитектуре и математике, то тут много не скажешь. В это здание, сколько мне известно, ты, конечно, вложил немало труда и умения, но печальный опыт показал нам обоим, что сам материал ничтожен, и я надеюсь, ты впредь учтешь полученный урок и будешь принимать в расчет материал и его прочность не меньше, чем систему и искусство. Ты, правда, похваляешься, что ничем никому не обязан, а все вытягиваешь и выпрядаешь из самого себя; стало быть (если можно судить о содержимом сосуда по тому, что из него вытекает), в твоем нутре скопился изрядный запас отравы и нечистот. И хотя я ни в коей мере не собираюсь умалять или подвергать сомнению твою собственную долю в том и другом, все же подозреваю, что, приумножая их, ты прибегал-таки к посторонней помощи. Присущая тебе часть нечистот неизменно пополняется за счет смрадных испарений, вздымающихся снизу, а каждое пожранное насекомое отдает тебе свой яд, чтобы ты убил другое. Короче говоря, вопрос сводится к следующему: какое существо благороднее, то ли, которое в ленивом созерцании четырех дюймов в окружности, преисполненное спеси и целиком поглощенное собою, превращает все в испражнения и отраву, не производя ничего, кроме мушиного яда и паутины, или же то, которое, скитаясь по необозримым просторам, благодаря неутомимым поискам, изрядному прилежанию, здравому смыслу и умению распознавать суть вещей, приносит в дом мед и воск?»

Этот диспут велся с таким рвением, шумом и пылом, что обе партии вооруженных книг стояли на полках некоторое время молча, в нерешительности ожидая исхода, каковой вскоре определился; ибо пчела, раздраженная такой потерей времени, полетела на розовый куст, не дожидаясь ответа, и оставила паука, который, подобно оратору, погрузился в себя, готовый разразиться новой речью.

И тогда Эзоп первый нарушил молчание. Последнее время он терпел весьма варварское обращение, ибо хранитель библиотеки, довольно странно понимавший человеколюбие, вырвал из него титульный лист, жестоко изуродовал половину страниц и накрепко приковал его цепью к полке \новых\\. Находясь среди оных и обнаружив вскоре, что распря разгорается, Эзоп призвал на помощь все свое искусство и начал преображаться, принимая тысячу обличий. Наконец, когда он принял образ осла, хранитель решил, что он — \новый\\; благодаря такой хитрости Эзоп получил возможность проскользнуть к \древним\\ как раз тогда, когда паук и пчела вступали в прение, которое он прослушал внимательно и с огромным удовольствием; а когда оно окончилось, громогласно поклялся, что за всю свою жизнь не встречал двух тяжб, столь похожих и близких одна другой, как те, что разыгрались на окне и на книжных полках. «Спорщики, — сказал он, — превосходно провели диспут, они высказали в полную силу все, что должны были сказать обе стороны, и исчерпали суть каждого довода за и против. Остается только приложить их рассуждения к нашей распре, затем сопоставить труды и плоды каждого, как их мудро определила пчела, и мы обнаружим, что конечный вывод прямо и непосредственно относится к \новыми\\ и к нам. Ибо скажите, господа, есть ли что-либо более \новое\\, нежели паук с его обличьем, ухватками и парадоксами? Он приводит доводы в пользу своих братьев — \новых\\ и в свою собственную, неумеренно кичась природным достоянием и великим талантом, тем, что он выпрядает и вытягивает все из своего нутра, и гнушается признать какое-либо одолжение или помощь извне. Далее он похвалялся перед вами своими великими

способностями к архитектуре и успехами в математике. На все это пчела словно защитник, нанятый нами, \древними\\, сочла уместным ответить, что если судить о великих талантах и изобретательности \новых\\ по тому что они производят, то едва ли кто не посмеется над их похвальбой. Составьте свои планы с каким угодно искусством и умением, но если ваш материал — всего лишь нечистоты, извлеченные из собственных кишок (нутра \новых\\ умов), то воздвигнутое сооружение в конечном счете окажется паутиной, чья долговечность, как и любых паучьих сетей, зависит от того лишь, сколько времени удастся ей оставаться забытой, незамеченной или сокрытой в темном углу. Каковы бы ни были претензии \новых\\, никакого своего искусства, насколько помню, они не создали, если только не считать их большой способности к сатире и сваре, весьма близких по своей природе и сути к паучьему яду; и как бы они ни уверяли, будто извлекают ядовитую слюну исключительно из самих себя, в действительности они пополняют свой яд, пожирая паразитов и гадов нынешнего века. Что же касается нас, \древних\\, то мы вместе с пчелой довольствуемся тем, что считаем своими только крылья и голос, то есть наш полет и язык. Все же остальное, чем мы владеем, добыто бесконечными трудами и поисками и проникновением во все уголки природы; разница же состоит в том, что вместо нечистот и яда мы предпочитаем наполнять наши ульи медом и воском и тем самым одаряем человечество двумя сокровищами: сладостью и светом».

Невозможно даже вообразить, какое смятение возникло среди книг, когда Эзоп завершил пространное свое рассуждение. Обе стороны поняли намек, и их вражда сразу возросла настолько, что они решили сражаться. Немедленно оба войска отошли под своими знаменами в отдаленные места библиотеки и там начали тайные переговоры и совещания по поводу создавшегося положения. Среди \новых\\ при избрании вождей разгорелись жаркие споры, и только страх перед противником удержал их от мятежных схваток. Особенно силен был разлад в тяжелой кавалерии, где каждый конник от Тассо и Мильтона вплоть до Драйдена и Уитера притязал на пост главнокомандующего. Легкой кавалерией командовали Каули и Буало. Далее следовали лучники во главе с доблестными вождями: Декартом, Гассенди и Гоббсом, чья сила была такова, что они могли послать свои стрелы за пределы атмосферы, откуда те уже не падали вниз, но, как стрелы Эвандра, обращались в метеоры, или, подобно пушечным ядрам, — в звезды. Парацельс вел эскадрон метателей ночных горшков, сошедших со снежных гор Ретии. Далее следовал огромный отряд разноплеменных драгун под водительством их великого аги Гарвея; одни были вооружены косами, орудием смерти, другие — копьями и длинными ножами, смазанными ядом, третьи стреляли пулями крайне зловредного свойства и использовали белый порошок, который умерщвлял беззвучно и наповал. Далее следовали несколько отрядов тяжело вооруженной пехоты; все это были наемники под знаменами Гвиччардини, Давиды, Полидора Вергилия, Бьюкенена, Марианы, Кэмдена и других. Саперов возглавляли Региомонтанус и Уилкинс. Остальную часть войска, которую вели Дуне Скот, Фома Аквин-ский и Беллармин, составляло разнородное скопище молодчиков могучего телосложения, у которых, однако, не было ни оружия, ни храбрости, ни порядка. И наконец следовали бессчетные ватаги обозников с Лестренджем во главе — беспорядочная толпа мошенников и попрошаек, которые сопровождали войско токмо ради грабежа; у них не было даже одежки прикрыть свою наготу[6].

Армия \древних\\ была не в пример малочисленнее. Гомер вел тяжелую кавалерию, а Пиндар — легкую; Евклид был главным сапером; Платон и Аристотель возглавляли лучников, Геродот и Ливии — пехоту, а Гиппократ — драгун. Арьергард составляли союзники, руководимые Фоссием и Темплом.

---

[6] Это — памфлеты без переплета или обложки.

Стремительное развитие событий близилось уже к решающей битве, когда Молва, которая часто посещала королевскую библиотеку и владела здесь обширным отделом, издавна для нее предназначенным, полетела прямо к Юпитеру и дала ему полный и правдивый отчет во всем, что произошло внизу между двумя партиями, — ибо богам она всегда говорит только правду. Юпитер, весьма тем обеспокоенный, созывает совет на Млечном Пути. И когда сенат собирается, объявляет причину созыва: кровавая битва, готовая с минуты на минуту разразиться между двумя могучими армиями \древних\\ и \новых\\ творений, именуемых книгами, слишком глубоко затрагивает интересы небес. Мом — заступник \новых\\ — произнес превосходную речь в их защиту; ему отвечала Паллада — покровительница \древних\\. Мнения собравшихся разделились; тогда Юпитер приказал положить перед собой Книгу судеб. Тотчас же Меркурий принес три огромных фолианта, содержащих записи обо всем, что было, есть и будет. Застежки сих томов из серебра с двойной позолотой, переплет из небесного сафьяна, а бумага такая, что здесь, на земле, ее почти наверное сочли бы за тончайший пергамент. Юпитер, прочтя про себя приговор судьбы, не пожелал никому сообщить его смысл и тотчас же захлопнул книгу.

Снаружи у дверей совета ожидало великое множество легких, проворных богов, прислужников Юпитера: с их помощью он управляет делами мира внизу. Они странствуют более или менее тесными караванами и прикованы друг к другу, подобно галерным рабам, легкой цепью, которая тянется от них к большому пальцу на ноге Юпитера. Однако, получая или передавая поручение, они не имеют права подняться выше нижней ступени его трона, и он переговаривается с ними шепотом через большую трубу. У смертных эти божества зовутся случаями, или происшествиями, боги же называют их вторичными причинами. Едва лишь Юпитер передал нескольким из них свое повеление, как те незамедлительно слетели на башенку над королевской библиотекой и, недолго посовещавшись, вошли внутрь никому не видимые и расположили воюющие стороны согласно полученным приказаниям.

Тем временем Мом, опасаясь худшего и памятуя к тому же одно древнее пророчество, которое не сулило ничего хорошего его детям — \новыми\\, направил свой полет в страну злокозненной богини по имени Критика. Она обитала на вершине снежной горы на Новой Земле; там и нашел ее Мом в пещере, простертую на своей добыче — несметной груде изодранных книг. По правую руку от нее восседало Невежество — ее отец и супруг, слепой от старости; по левую — Гордыня, ее мать, одевавшая милую дщерь в клочья бумаги, которые сама нарвала. Еще была там ее сестра — Мнение, с завязанными глазами, быстроногая и упрямая да притом еще и капризная и постоянно переменчивая. Рядом играли ее чада: Бахвальство и Бесстыдство, Глупость и Тщеславие, Самоуверенность, Педантство и Грубость. На пальцах богини были когти, как у кошки; строением головы, ушами и голосом она напоминала осла; зубы у нее давно уже выпали, а глаза были повернуты внутрь, будто она смотрела только на самое себя; питалась она избытком собственной желчи; ее селезенка была столь велика, что выпирала вперед, словно огромное вымя, с которого свисали наросты в виде сосцов, а к ним жадно припала толпа отвратительных чудищ, и, что замечательнее всего, объем селезенки увеличивался быстрее, чем высасывание могло его уменьшить. «Богиня, — сказал Мом, — как ты можешь праздно покоиться здесь, когда сию минуту наши верные почитатели, \новые\\, вступают в жестокую битву и, быть может, уже ложатся под мечами противников? Кто же станет впредь приносить жертвы и воздвигать алтари нашим божествам? Поспеши к Британскому острову, и, коли сможешь, отврати их разгром; а я меж тем посею распри среди богов и постараюсь привлечь их на нашу сторону».

Произнеся сию речь, Мом не стал дожидаться ответа и исчез, оставив богиню во власти собственной злобы. В ярости поднялась она и, как подобает в таких случаях,

произнесла монолог. «Это я, — промолвила она, — дарую мудрость младенцам и идиотам; благодаря мне дети перемудрят своих родителей, вертопрахи станут политиками, а школьники — философами; благодаря мне ведут свои споры студенты, достигая глубин познания, а умники из кофеен, подвигнутые мною, умудряются править стиль автора и выставлять напоказ малейшие его ошибки, не понимая ни слова ни в самом предмете, ни в языке. Благодаря мне юнцы растрачивают свой разум, как и состояние, не успев обрести его. Это я упразднила власть разума и знания над поэзией и сама заняла их место. Так смеют ли несколько выскочек — \древних\\ — мне противиться? Идемте же, мои почтенные родители, и вы, мои драгие чада, и ты, прекрасная моя сестрица; воссядем на колесницу и поспешим на подмогу нашим верным \новыми\\, которые уже приносят нам гекатомбу, как я это чувствую по благовонному духу, что, поднимаясь снизу, достигает моих ноздрей».

Богиня со своей свитой взобралась на колесницу, влекомую домашними гусями, и полетела над необъятными пространствами, проливая свои милости в нужных местах, пока, наконец, не добралась до милого ее сердцу острова Британии. А, паря над его метрополией, каких только благословений не посылала она своим питомникам, Грешемскому и Ковент-Гарденскому! Но вот наконец она достигла роковой равнины Сент-Джеймской библиотеки — как раз в то время, когда две армии были уже готовы вступить в дело. Войдя туда незаметно со всем своим караваном и разместившись в шкафу на полках, теперь опустевших, но некогда населенных колонией ученых мужей, она принялась осматривать расположение обеих армий.

Но тут нежные материнские заботы овладели ее мыслями и стеснили грудь. Ибо в первом ряду отряда \новых\\ лучников она узрела своего сына Уоттона, которому парки даровали весьма короткую нить жизни. Утэттон, младой герой, был некогда зачат безвестным отцом из рода смертных в тайных объятиях сей богини. Он был любимейшим из всех ее детищ, и она решила приободрить его. Но прежде, согласно доброму старому обычаю богов, она сочла за лучшее изменить свой образ, опасаясь, как бы божественные черты ее лика не ослепили его смертного взора и не отягчили прочих чувств. А потому она сжала свою особу до размеров октаво, тело ее стало белым, сухим и от сухости распалось на лоскутья; толстые обратились в картон, а тонкие — в бумагу, на которую ее родители и дети искусно нанесли черный сок, то есть отвар желчи и сажи, придав ему форму букв; голова ее, голос и селезенка сохранили первичную форму, и то, что прежде служило ей кожным покровом, осталось неизменным. В таком обличье она предстала перед \новыми\\, не отличимая ни видом своим, ни одеянием от божественного Бентли, дражайшего Друга Уоттона. «Храбрый Уоттон, — сказала богиня, — почему наши войска праздно медлят, понапрасну утрачивая свой пыл и упуская удобный случай? Поспешим же к полководцам и присоветуем им немедля идти на приступ». С этими словами она незаметно засунула ему в рот мерзейшее из своих чудищ, дополна налитое ее злобою, которое, влетев прямо в голову, выпучило ему глаза, перекосило взор и наполовину перевернуло мозги. Затем богиня тайно повелела двум любимым своим чадам, Глупости и Грубости, неотступно сопровождать его особу во всех схватках. Снарядив героя таким образом, она исчезла в тумане, и тогда-то он уразумел, что то была богиня, его матушка.

Час, назначенный судьбою, настал, и сражение началось. Но прежде, чем я отважусь начертать подробное его описание, мне надобно, по примеру других сочинителей, испросить себе сотню языков и уст, и рук, и перьев, каковых, тем не менее, все равно не хватит для исполнения столь непомерного труда! Ныне поведай, богиня, ты, что царишь над историей, кто же первый вступил на поле брани? Парацельс, возглавлявший драгун, заметив на противной стороне Галена, метнул со страшной силою дрот, но отважный \древний\\ принял его своим щитом, и острие

сломалось на втором слое кожи....... .... Hic раиса desunt[7]. Они несли на щитах раненого агу к его колеснице.. Desunt nonnulla[8]...................................

Тогда Аристотель, заметив наступающего со свирепым видом Бэкона, поднял лук и выпустил стрелу, которая, не попав в доблестного нового, пролетела со свистом над его головой; но Декарта она поразила: стальной наконечник быстро отыскал изъян в его шлеме и, пробив кожу, а затем картон, вонзился в правый глаз. Доблестный лучник завертелся от мучительной боли, и смерть, подобно светилу высшего воздействия, вовлекла его в свой вихрь. ....Ingens hiatus hie in MS [9] .... когда Гомер явился во главе кавалерии, верхом на свирепом коне, которым и сам-то всадник с трудом правил, а прочие смертные и подступиться к нему не дерзали; он поскакал между рядами противника, повергая всех на своем пути. Поведай, богиня, кто же был первым и кто был последним, кого он сразил. Первым выступил против него Гондиберт, облеченный в тяжкие доспехи, верхом на степенном, смирном мерине, который славился не столько быстротою, сколько готовностью вставать на колени, стоило лишь всаднику пожелать сесть верхом либо спешиться. Гондиберт еще раньше поклялся Палладе, что не оставит поля битвы, пока не завладеет доспехами Гомера [10] , — безумец, которому ни разу не доводилось видеть их владельца и испытать его силу. Гомер поверг наземь коня и всадника, и, втоптанные в слякоть, они захлебнулись. Затем длинным копьем он заколол Денема, отважного \нового\\, что по отцовской линии вел свое происхождение от Аполлона, но мать его была простою смертной[11]. Тот свалился и стал грызть землю. Духовную его часть взял

Аполлон, превратив в звезду, плотская же так и осталась валяться в грязи. Затем Гомер убил Уэсли копытом своего коня. Со страшною силой исторг он из седла Перро и, швырнув его в Фонтенеля, одним ударом вышиб мозги у обоих.

На левом крыле конницы появился Вергилий в сверкающих доспехах под стать своему сложению; он ехал верхом на сером в яблоках коне, чья спокойная поступь выражала ретивость и силу. Он обратил взор на противную сторону, желая отыскать предмет, достойный его доблести, и увидал, как на гнедом мерине чудовищного размера явился противник, выехавший из гущи вражеских эскадронов; шум, который он производил, намного превышал его скорость, ибо его старая и тощая лошадь, стараясь из последних сил скакнуть повыше, едва продвигалась вперед, сопровождаемая ужасающим оглушительным грохотом доспехов. Оба всадника сблизились на расстояние броска копья, и тогда незнакомец пожелал начать переговоры; он поднял забрало шлема, но разглядеть его лицо было почти невозможно, и только спустя некоторое время удалось разобрать, что оно принадлежит знаменитому Драйдену. Отважный \древний\\ невольно вздрогнул,

---

[7] [Здесь небольшой пробел (лат.)]

[8] [Кое-что отсутствует (лат.)]

[9] [Здесь огромный пропуск в рукописи (лат.)]

[10] См.: Гомер.

[11] Поэмы сэра Джона Денема весьма неровны: одни — необычайно хороши, другие — весьма посредственны; поэтому его недоброжелатели утверждают, что поэма «Холм Купера» принадлежит не ему.

охваченный изумлением и разочарованием, ибо шлем в девять раз превышал размеры головы, которая терялась в глубине задней его части, подобно мышке под пышным балдахином или отощалому щеголю под навесом модного парика; и глас соответствовал лику, он звучал слабо и отдаленно. Драйден в пространной речи тщился польстить доброму \древнему\\, называя его отцом, и посредством сложных заключений из генеалогий доказывал со всей очевидностью их ближайшее родство. Затем он смиренно предложил обменяться оружием в знак взаимного радушия. Вергилий согласился (ибо богиня Застенчивость незримо подошла и застлала его очи туманом), хотя оружие у него было из золота и ценилось в сто тельцов[12], а у Драйдена — из ржавого железа. Однако сие сверкающее оружие приличествовало новому еще меньше, чем его собственное. Затем они согласились обменяться конями, но едва дошло до дела, Драйден так перетрусил, что никак не мог усесться верхом ....

.............Alter hiatus in MS[13]................................... явился Лукан на горячей лошади поразительной стати, но упрямой и носившей всадника по полю, куда ей вздумается; он учинил страшное побоище среди вражеской кавалерии. Блекмор, прославленный \новый\\ (но из наемников), стремясь прекратить это смертоубийство, дерзновенно выступил навстречу и могучею рукою метнул дрот, который, не долетев до цели, вонзился глубоко в землю. Тогда Лукан пустил в него копье, но незримо явился Эскулап и отвел острие в сторону. «Отважный \новый\\, — сказал Лукан, — я разумею, что некое божество защищает тебя, ибо никогда доселе десница моя мне не изменяла. Но какой же смертный может тягаться с богом? А потому перестанем биться и обменяемся дарами». Лукан подарил тогда \новому\\ пару шпор, а Блекмор дал Лукану узду...Раиса desunt[14].. Крич; но богиня Глупость явила перед ним облако во образе Горация, вооруженного и на коне. Рад был витязь начать сражение с летучим противником, и с громкими воплями он преследовал тень, пока та наконец не привела его к мирному приюту отца его Оглби, который снял с него доспехи и предоставил ему отдохновение.

Затем Пиндар заколол ——, и ——, и Олдема, и ——, и Афру, легконогую амазонку; всячески избегая прямого пути, но кружась с невероятным проворством и прытью, он учинил ужасное побоище среди вражеской легкой кавалерии. Но тут его заметил Каули, чье великодушное сердце воспылало, и он устремился на лютого древнего, перенимая его умение, приемы и скачку, насколько это позволяли проворство коня и собственная сноровка. И когда оба витязя сблизились на расстояние трех дротов, Каули первый пустил копье, которое миновало Пиндара и, пролетев сквозь вражеские ряды, бессильно упало наземь. Тогда Пиндар метнул дрот столь великий и тяжкий, что едва ли дюжина витязей, какими они стали в наш развращенный век, смогли бы поднять его с земли; он же с легкостью пустил его своею верною десницей, и тот со свистом полетел по воздуху; едва ли \новый\\ избежал бы верной погибели, если бы, по счастью, не выставил щита, дарованного ему Венерой. И теперь оба героя обнажили свои мечи, однако \новый\\ был так поражен и расстроен, что даже не разумел, где находится. Щит выпал из его рук, трижды пускался он в бегство и трижды не мог убежать; наконец обернулся и, подняв руки, принял позу просителя. «Богоподобный Пиндар, — молвил

[12] См.: Гомер.

[13] [Другой пропуск в рукописи (лат.)]

[14] [Небольшой пробел (лат.)]

несчастный, — пощади мою жизнь и прими от меня коня со всем оружием, помимо выкупа, какой дадут мои друзья, проведав, что я жив и пленен тобою». — «Пес, — ответствовал Пиндар, — да остается выкуп у твоих друзей, а тело твое станет добычею птиц небесных и зверей полевых». С этими словами он поднял меч свой и могучим ударом, которому меч подчинился, рассек надвое беднягу нового. Одна половина пала, содрогаясь, на землю, где в клочья ее разнесли конские копыта, другую же испуганный скакун понес по полю. Ее взяла Венера, семикратно омыла амброзией, затем трижды ударила веточкой амаранта, отчего кожа смягчилась и облекла плоть, а листы обратились в перья, сохранив притом былую позолоту; так явился голубь, которого она впрягла в свою колесницу[15]......

.......Hiatus valde deflendus in MS[16].

ЭПИЗОД БЕНТЛИ И УОТТОНА

День клонился к закату, и многочисленные силы \новых\\ подумывали уже об отступлении, когда из эскадрона тяжело вооруженной пехоты выступил вперед полководец по имени Бентли, безобразнейший из всех \новых\\, высокий, но неказистый и непригожий, широкоплечий, но немощный и нескладный. Доспехи его были составлены из тысячи несообразных кусков, и, когда он шел, сухо громыхали, словно падали свинцовые листы, внезапно сорванные порывом ветра с крыши колокольни. Шлем его был из ржавого железа, а забрало из меди, которая под действием его ядовитого дыхания обратилась в купорос с добавлением желчи, явившейся из того же источника, так что, когда он гневался или трудился, видно было, как с его уст сочится чернильная жижа самого зловредного свойства. Правой рукой он сжимал цеп, а левой (дабы наверняка поразить противника) ухватил горшок, полный нечистот[17]; вот так, вооруженный до зубов, проследовал он медленной и тяжкой поступью туда, где предводители \новых\\ держали совет о важнейших делах; но едва он появился, как они начали хохотать над его кривою ногой и обвислым плечом, которых не только не скрывали его сапоги и доспехи, но, напротив, выставляли напоказ. Военачальники порешили воспользоваться его умением поносить всех и вся — даром, который, будучи управляем, нередко служил их делу великую службу, однако иной раз приносил больше вреда, чем пользы; ибо при малейшем оскорблении, а подчас и без оного, он мог, подобно раненому слону, обратиться против своих же вождей. Именно так в нынешних обстоятельствах был расположен Бентли, скорбевший, видя, как противник берет верх, и недовольный ничьим поведением, кроме своего собственного. И он кротко дал понять военачальникам \новых\\, что с величайшим смирением считает их шайкой мошенников, и дурней, и сукиных детей, и проклятых трусов, и окаянных олухов, и невежественных щенков, и вздорных негодяев, что, будь он назначен военачальником, то давно бы уж разогнал этих наглых псов \древних\\. «Вы, — сказал Бентли, — расселись тут, бездельники, но стоит мне или другому какому доблестному \новому\\ сразить врага, вы уже тут как тут, хватаете добычу. И я ни на шаг не сдвинусь навстречу противнику, пока вы не поклянетесь, что, кого бы я ни

---

[15] Я не согласен с этим суждением автора, ибо полагаю, что пиндарические оды Каул предпочтительнее его «Возлюбленной».

[16] [Рукопись сильно повреждена (лат.)]

[17] Особа, о которой идет речь, славится тем, что готова напасть без разбора на кого угодно, используя при этом самую низкую непристойную брань.

захватил или убил, его оружие бесспорно достанется мне»[18]. Едва лишь Бентли окончил речь, как Скалигер обратил на него сердитый взгляд. «Гнусный пустомеля, вообразивший себя витией, — сказал он, — в сквернословии твоем нет ни смысла, ни правды, ни разумения; зловредный твой нрав извращает природу; обретая познания, ты становишься дикарем, изучая человечество, —бесчеловечным, общаясь с поэтами, — низкопоклонником, неряхой и тупицей. Все искусства, просвещающие других людей, тебя делают грубым и упрямым; при дворе ты стал невежею, а светские беседы довершили обращение тебя в педанта. К тому же больший трус не отягчал еще армии. Но не унывай, даю тебе слово, что бы ты ни захватил, добыча твоя останется за тобою, хотя надеюсь, что прежде твой гнусный труп станет поживой коршунов и червей».

Бентли не посмел отвечать, но, задыхаясь от злобы и ярости, удалился в твердой решимости совершить необыкновенный великий подвиг. Помощником и спутником он избрал своего любимца Уоттона, и они решили хитростью или исподтишка вторгнуться в какой-нибудь незащищенный край армии \древних\\. Поход свой они начали по трупам убитых друзей, затем обошли справа свои войска, затем поворотили на север, пока не достигли могилы Альдрованди, которую миновали со стороны заходящего солнца. И так, объятые страхом, приблизились они к передовой страже противника, озираясь в поисках лагеря раненых или отставших воинов, спящих без оружия вдали от остальных. Как две Дворняги, побуждаемые врожденным прожорством и домашней нуждой, сходятся парой, хотя и с опаской, чтобы ночью забраться в овчарню богатого скотовода; поджав хвосты и высунув языки, крадутся они тихо и медленно, а тем временем бдящая луна в зените изливает на их виновные головы отвесные лучи; и не смеют они залаять, хоть и дразнит их ее сияющий лик, то отраженный в луже, то стоящий на небосводе, но одна из них озирает окрестность, а другая рыщет по равнине, не найдется ли неподалеку от стада какая-нибудь полуободранная туша, оставленная пресытившимися волками или зловещими воронами. Вот так с не меньшим страхом и предосторожностью продвигалась вперед эта любезная пара любящих друзей, когда вдруг они приметили вдали свисающие с дуба блестящие доспехи двух воинов и рядом на земле самих владельцев, объятых глубоким сном. Друзья бросили жребий, и осуществлять это предприятие выпало на долю Бентли; он двинулся вперед, имея в авангарде Смятение и Изумление, тогда как Ужас и Боязнь сопровождали его с тыла. Приблизившись, он узрел крепко спящих двух героев армии \древних\\, Фаларида и Эзопа. Бентли охотно разделался бы с обоими и, подкравшись поближе, было уже нацелил свой цеп в грудь Фаларида; но тут вмешалась богиня Боязнь, она схватила ледяными руками \нового\\ и оттащила его от опасности, каковую предвидела; ибо обоим уснувшим героям случилось в тот самый миг повернуться, хоть крепко они спали и видели сны. Фалариду как раз в эту минуту снилось, что некий дряннейший поэтишка сочинил на него пасквиль, а он засунул его в раскаленного быка, где тот ревел благим матом[19]; а Эзопу снилось, что он и другие вожди \древних\\ лежат на земле и дикий осел, сорвавшись с привязи, скачет вокруг, топча их и лягая, и гадит им на лица. Бентли же, оставив спящих героев, схватил доспехи обоих и ретировался в поисках своего милого Уоттона.

Тем временем тот давно уже блуждал, стараясь отыскать какое-нибудь дело, пока наконец не достиг небольшого ручейка, который струился из близлежащего родника, именуемого на языке смертных Геликоном. Тут он остановился и, терзаемый жаждою, вознамерился утолить ее этой прозрачною влагой. Трижды

---

[18] См.: Гомер о Терсите.

[19] Это согласуется с Гомером, который описывает сновидения тех, кого убивают во сне.

пытался он зачерпнуть воду своими нечестивыми дланями и поднести ее ко рту, и трижды протекала она сквозь пальцы. Тогда он лег ничком, но едва лишь уста его лобызнули кристальную влагу, как явился Аполлон и перегородил щитом русло, так что \новый\\ лакал одну лишь грязь. Ибо, хотя ни один родник на земле не сравнится чистотою своей с Геликоном, дно его покрыто толстым слоем ила и грязи; так испросил Аполлон у Юпитера в наказание тем, кто смеет коснуться его нечистыми губами, а всем другим в поучение — дабы не черпали слишком глубоко или вдали от верховья.

У истоков родника Уоттон углядел двух героев; один был ему неизвестен, зато в другом он сразу же узнал Темпла — военачальника союзного отряда в войске \древних\\. Он стоял спиной к Уоттону и, зачерпнув шлемом, пил большими глотками воду из родника, куда пришел отдохнуть от бранных трудов. Заметив его, Уоттон, у которого затряслись колени и задрожали руки, сказал себе: «Эх, кабы мне прикончить этого губителя нашей армии, какую бы славу стяжал я средь наших вождей! Но кто же из нас, \новых\\, отважится выйти с ним один на один, щит со щитом, копье с копьем?[20] Ведь он же дерется, словно бог, а Паллада иль Аполлон всегда у него под рукою. О матушка! если правду вещает Молва, что я отпрыск столь великой богини, дай мне сразить Темпла этим копьем, и да пошлет мой удар его в ад, я же вернусь невредим и со славой, отягченный добычей». На первую часть сей мольбы боги согласились, вняв неотступному ходатайству его матери и Мома, но вторую часть развеял противный ветер, посланный Судьбою. Тогда Уоттон схватил копье и, трижды взмахнув им над головою, метнул его во всю мочь, а богиня-мать придала крепость его деснице. Свистя полетело копье и даже достигло ремня стоявшего спиной \древнего\\, но, слегка лишь задев его, упало на землю. Темпл даже не почувствовал толчка от оружия и не слыхал, как оно пало; а Уоттон уже было побежал к своей армии, гордясь, что сумел послать копье в столь великого вождя, как тут Аполлон, взбешенный тем, что дрот, запущенный с подмогой столь гнусной богини, осквернил его родник, принял образ —— и тихо подошел к молодому Бойлю, сопровождавшему Темпла. Он указал сперва на копье, а затем на бежавшего вдалеке нового, который его метнул, и повелел юному герою немедленно отомстить. Бойль, облеченный в доспехи, пожалованные ему всеми богами, немедля устремился вослед дрожащему противнику, удиравшему со всех ног. Так на ливийской равнине или в аравийской пустыне младой лев, посланный престарелым родителем на охоту за добычей или для упражнения сил, рыщет повсюду в поисках тигра с гор или свирепого вепря, и если случайно дикий осел оскорбит его слух докучливым ревом, благородный зверь, хотя и гнушается запятнать когти столь мерзкою кровью, однако, побуждаемый поносным звуком, которому Эхо, глупая нимфа, по обыкновению неблагоразумного пола, вторит еще громче и с большею усладой, чем песне Филомелы, он вступается за честь леса и бросается на крикливого длинноухого скота. Так удирал Уоттон, так преследовал Бойль. Но Уоттон, обремененный доспехами и тяжелый на ногу, стал уже замедлять бег, как вдруг появился его любимец Бентли, возвращавшийся с добычею, похищенной у двух спящих \древних\\. Бойль заметил его и тут же усмотрел шлем и щит друга своего Фаларида, которые недавно собственноручно заново вычистил и позолотил; яростью сверкнули его очи, и, перестав преследовать Уоттона, он свирепо кинулся к новопришельцу. Он охотно отомстил бы обоим, но они бросились в разные стороны, и, словно жена, что в хижине тесной добывает за прялкой скудное пропитание, завидя, как гуси ее разбрелись по общинному выгону, бегает по полю туда-сюда, сгоняя отставших в стаю, а те громко гогочут и машут крылами над равниной[21], так

---

[20] См.: Гомер.

[21] Это тоже в подражание Гомеру; жена, добывающая скудное пропитание за прялкой, не имеет никакого

Бойль преследовал и так удирала пара друзей, а под конец, убедившись, что бегство напрасно, они храбро встали плечом к плечу, образуя фалангу. Первый Бентли метнул копье изо всех сил, надеясь пронзить грудь неприятеля, но незримо подошла Паллада, оторвала в воздухе острие и прицепила взамен свинцовое, которое громыхнуло о вражеский щит и, сплющенное, упало наземь. Тогда Бойль, точно рассчитав время, взял копье дивной длины и остроты, и, так как оба друга стояли, тесно сомкнувшись плечом к плечу, он развернулся вправо и метнул его с невероятною силой. Бентли узрел, что судьба его близится, и, прижав Руки к ребрам, тщился прикрыть тело, но острие копья, пройдя сквозь руку его и бок, не остановилось и не потеряло силы, пока не пронзило и доблестного Уоттона, который, желая поддержать гибнущего друга, разделил его участь. Как искусный повар, когда ему надо зажарить пару куликов, насаживает на железный вертел нежные тушки обоих и тесно прижимает к ребрам их ножки и крылышки, вот так была пронзена насквозь чета друзей, и они пали вместе, единые в жизни и единые в смерти, настолько единые, что Харон ошибся бы, приняв обоих за одного, и переправил через Стикс за полцены. Прощай же, возлюбленная любящая пара; мало равных себе оставили вы, покинув свет, и вы будете счастливы и бессмертны, если только мой разум и красноречие сумеют добиться этого.

И теперь .... Desunt caetera[22].

Комментарии

В. Рак. Комментарии // Джонатан Свифт. Избранное. - Л.: Художественная литература, 1987. - С. 422-426.

Написано между июнем 1697 и мартом 1698 г., опубликовано в 1704 г. вместе со «Сказкою бочки».

Предполагается, что тема «Битвы книг» была подсказана Свифту произведением французского писателя Франсуа де Кальера (Callieres, 1645-1717) «Поэтическая история недавно объявленной войны между древними и новыми» («Histoire poetique de la guerre nouvellement declare entre les Anciens et les Modernes»), однако сам Свифт отрицал знакомство с этим сочинением. В «Битве книг» много непосредственных отзвуков «Опыта» У. Темпла, а также пародийных параллелей эпизодам, ситуациям, фрагментам и отдельным фразам из эпических творений древних авторов, особенно Гомера и Вергилия. Вследствие их обилия они, как правило, в комментарии не поясняются.

Свифт выступает в «Битве книг» под двумя масками: книгоиздателя и историка, описывающего сражение. Хотя книгопродавец и приписывает это сочинение автору «Сказки бочки», невозможно отождествить этих лиц с полной уверенностью. Назначение маски историка состоит в том, чтобы своей претензией на бесстрастную объективность создать видимость того, что описываемое событие было значительным, и тем самым иронически оттеняются малые основания, с точки зрения Свифта, притязаний «новых».

Полный русский перевод «Битвы книг» публикуется впервые.

С. 278. «Эфемериды» Мери Кларк, optima editio. — Речь идет иронически о популярном табеле-календаре, печатавшемся на одной стороне листа бумаги не

отношения к этому сравнению и не могла бы быть оправдана без ссылки на столь почтенный пример.

22 [Остально отсутствует (лат.)]

очень высокого качества.

...набеги обычно совершаются с севера на юг... — Эта мысль высказывалась разными авторами, в том числе Ф. Бэконом и У. Темплом.

С. 279. ...особенно на восток... — В XVII в. было распространено представление о том, что в ходе веков западные народы обогащались знаниями у восточных; эту точку зрения развивал, в частности, У. Темпл, утверждавший, что «древние» многое заимствовали у еще более древних восточных цивилизаций.

С. 280. ...многочисленностью войска, непрерывно пополняемого при всяком поражении новобранцами. — «Новые» видели в книгопечатании одно из величайших и полезнейших достижений человечества, позволившее резко умножить число книг. Это мнение оспаривал У. Темпл. Ср. в связи с этим рассказ Гулливера о библиотеке короля Бробдингнега (с. 95) и об отсутствии книгопечатания у гуигнгнмов (с. 174).

...похвальный древний обычай, успешно возрожденный недавно в военном искусстве... — Ирония по поводу неоднократных случаев, когда обе воюющие стороны считали себя победительницами; высмеивается аргумент «новых» о значительном совершенствовании в последние века военного искусства.

...как утверждают иные философы... — Согласно учению мистика Томаса Бона (см. коммент. к с. 243), «животная часть человека» витает в тех местах, где бывал при жизни покойный, и совершает характерные для него действия и поступки.

Дунс Скот. — См. коммент. к с. 130.

...стащить его со старинного места среди богословов... — Философия Платона оказывала большое влияние на христианское учение с первых веков его существования.

С. 281. ...своим человеколюбием... — Ср. с. 264 и коммент. к ней.

...двух древних вождей... — Имеются в виду Эзоп и Фаларид.

...книги в библиотеке странным образом перемешались... — Королевская библиотека находилась в запущенном состоянии, на что указывал сам Р. Бентли.

...одни из них падали ему в селезенку, а другие лезли наверх, в голову... — В соответствии с медицинскими представлениями эпохи, жидкость, вырабатываемая селезенкой, вызывает гнев, раздражение, меланхолию. Во второй части фразы обыграна английская идиома «иметь червя в голове (мозгу)» (см. коммент. к с. 218).

С. 282. ...запихнуть Декарта рядом с Аристотелем... Уитером с другой. — Философия Декарта разрушала многовековой авторитет учения Аристотеля; идеалист Платон оказался рядом с материалистом Т. Гоббсом и сборником древних восточных повестей; Вергилий помещен между сторонником Реставрации, принявшим католичество Драйденом и поэтом-сатириком, пуританином, активным участником революции, подвергавшимся за это гонениям, Джорджем Уитером (Wither, 1588—1667); эта расстановка предполагает также иронический намек на перевод сочинений Вергилия, выполненный Драйденом.

...новые являются несравненно более древними... — Этот парадокс выдвигался в «споре древних и новых» неоднократно в различных формулировках, в частности Ф. Бэконом, Т. Гоббсом и Ш. Перро. В доказательство приводилось то, что «новые» опираются на более длительный опыт человечества, т. е., с одной стороны, их знания имеют больший возраст, а с другой — в чисто оценочной коннотации, если понятие «древний» имеет положительный смысл, они располагают более совершенными знаниями.

...с присущей ему веселостью... — Ироническое искажение действительного характера сочинений Платона.

...когда случилось одно немаловажное происшествие. — Символический образ пчелы, собирающей нектар с цветов, имеет в приложении к художественному творчеству и овладению знаниями богатую традицию, уходящую корнями в глубокую древность. Поэтому притчу о пауке и пчеле нельзя соотнести с каким-либо

одним источником. В частности, в сходном смысле сопоставлял паука и пчелу Ф. Бэкон в «Новом Органоне» (I, 95) и писал о пчеле У. Темпл в «Опыте о поэзии» («Essay on Poetry»). В притче обыгрывается также пословица: «Там, где пчела сосет мед, там паук сосет яд».

...согласно новым приемам фортификации... — Развитие искусства фортификации объявлялось одним из достижений «новых». В 1710 г., приводя в одном из очерков примеры «порчи» языка, Свифт назвал среди «уродливых» новых слов «палисад».

С. 283. ...Вельзевул со всеми своими легионами пришел отомстить за смерть многих тысяч подданных. — Согласно старинному толкованию, имя этого древнего божества филистимлян значило «повелитель мух» (почитался он как их уничтожитель), а в иудейской и из нее христианской религии превратился в повелителя демонов; в комментируемой фразе сочетаются оба смысла.

С. 284. ...жестоко изуродовал половину страниц... — Бентли доказывал, что половина басен, приписанных Эзопу, возникли через тысячу лет после его смерти, а другие еще позже.

...принял образ осла... — Ср. коммент. к с. 231 — 233.

С. 285. Особенно силен был разлад в тяжелой кавалерии... — Этот род войск символизирует эпическую поэзию. Итальянский поэт Торквато Тассо (1544—1595) и английский Джон Мильтон (1608-1674) представляют высшие достижения «новых» в этом жанре (поэмы «Освобожденный Иерусалим» и «Потерянный рай»). Драйден и Уитер противопоставлены им как малозначительные поэты, причем Уитер не писал эпических произведений, а причислен сюда, очевидно, потому, что во время гражданской войны командовал кавалерийским отрядом.

...Каули и Буало. — Поэт Абрахам Каули (1618—1667) выступает здесь как

«английский Пиндар» и приверженец новой науки; французский поэт и теоретик литературы Никола Буало-Депрео (1636-1711) занимал сторону «древних», но причислен в ряды «новых», по-видимому, как крупнейший поэт того времени.

...как стрелы Эвандра... — Свифт допускает ошибку. В воздухе загорелась стрела сицилийского героя Акеста («Энеида», кн. V, ст. 525 — 528).

...подобно пушечным ядрам, — в звезды. — Поэт-сатирик Сэмюел Батлер (1612— 1680) насмехался в поэме «Гудибрас» (1663 — 1678) над некими иностранными учеными, которые произвели выстрел из пушки вертикально вверх и, не наблюдая падения снаряда, заключили, что он повис в пространстве; Батлер иронически назвал его звездой.

Парацельс— См. коммент. к с. 252. Ретия — название района Швейцарии, откуда происходил Парацельс. Ночные горшки символизируют химические эксперименты (см. примеч. 5 на с. 257).

...великого аги Гарвея... — Врач Уильям Гарвей (1578—1657) открыл кровообращение, что признавалось огромным достижением новой науки, от которого ожидали большую практическую пользу; против этого мнения возражал У. Темпл. Называя Гарвея «агою», Свифт, возможно, хочет подсказать ассоциацию со свирепым турком, развивая далее метафору «врачи-убийцы» перечислением их вооружения.

...белый порошок... — Возможно, речь идет о мышьяке, который был неизвестен в древности.

...тяжело вооруженной пехоты... — Этот род войска составляют труды популярных в Англии XVII в. историков: итальянских Франческо Гвиччардини (1483—1540), Энрико Катерино Давиды (1576—1631), Полидора Вергилия (ср. коммент. к с. 131), шотландского Джорджа Бьюкенена (1506—1582), испанского Хуана де Марианы (1535— 1624), английского Уильяма Кэмдена (1551 — 1623). Критическое отношение Свифта к историческим сочинениям отразилось в «Путешествиях Гулливера» (кн. 3, гл. 8).

Региомонтанус (наст, имя: Иоганн Мюллер, 1436—1476) — немецкий математик и астроном, сконструировавший летающего деревянного орла.

Уилкинс Джон (1614—1672) — один из основателей Королевского общества, энтузиаст идеи летательного аппарата (ср. коммент. к с. 112), составивший ряд его проектов; в книге Уилкинса «Математическая магия, или Чудеса, которые можно осуществить с помощью механической геометрии» (1648) Свифт мог прочесть о Региомонтанусе.

Фома Аквинский. — См. коммент. к с. 237. Беллармин Роберто. — См. коммент. к с. 220. Лестрендж. — См. коммент. к с. 194.

С. 286. Фосс (латинизированная форма: Фоссий) Герард Йоханнес (1577 — 1647) — голландский ученый-классик.

Мом. — бог злословия и насмешки, который, по определению современного Свифту словаря, «всех критикует, а сам ничего не делает». Афина Паллада противопоставлена ему как богиня мудрости, покровительница наук и воительница.

...боги же называют их вторичными причинами. — Первичной причиной выступает сам бог, организовавший порядок мироздания и им управляющий, по представлениям эпохи, цепью причин и следствий, прикованной к его трону.

...она напоминала осла... — Ср. «Сказку бочки», разд. III.

...глаза были повернуты внутрь... — Ср. описание лапутян (с. 108).

С. 287. Богиня со своей свитой... проливая свои милости в нужных местах... — Пародия на полет «Великой матери» богов Кибелы, описанный Лукрецием («О природе вещей», кн. II, ст. 600 — 660). Об ироническом отношении к Лукрецию, хотя он и был «древним», см. коммент. к с. 192.

...Грешемскому... — См. коммент. к с. 80.

...Ковент-Гарденскому... — См. коммент. к с. 210.

...до размеров октаво... — Этим небольшим размером (в 1/8 долю листа) были изданы «Размышления» У. Уоттона.

С. 288. Гален (ок. 130— ок. 200) — знаменитый греческий врач, чьи сочинения в течение многих веков были основными пособиями по медицине, в том числе в английских университетах; медицина была полем ожесточенной борьбы «древних» и «новых».

...вовлекла его в свой вихрь... — См. коммент. к с. 111.

...верхом на свирепом коне... — Аллегорическое изображение буйного поэтического вдохновения (furor poeticus; furor — бешенство, ярость).

«Гондиберт» (1651) — эпическая поэма Уильяма Давенанта (1606 — 1668), в предисловии к которой автор заявил о соперничестве с Гомером.

Денем Джон (1615—1669) — автор знаменитой в свое время поэмы «Холм Купера» (1642), в которой описания природы перемежаются с нравоучительными размышлениями на разные темы; дидактическая поэзия ставилась в один ранг с эпической, и поэтому Денем изображен противником Гомера.

С. 289. Уэсли Сэмюел (1662 — 1735) — автор эпической поэмы «Житие благословенного господа нашего и спасителя Иисуса Христа» (1693).

...под стать своему сложению... — Стройность поэта, спокойная поступь его коня выражают представление о нем как о поэте с дисциплинированным культурою и разумом воображением в контрасте с Гомером.

...тщился польстить доброму древнему, называя его отцом... — Намек на перевод сочинений Вергилия.

Лукан. — См. коммент. к с. 193.

Блекмор Ричард (ок. 1650—1729) — автор эпической поэмы «Принц Артур» (1695) на легендарный сюжет английской истории. Блекмор причислен к наемникам, возможно, потому, что был врачом, т. е. принадлежал к профессии, представители которой, в сознании современников, были жадными стяжателями. Спасение Блекмора Эскулапом означает символически, что его искусство

врачевания извиняет его бездарность как поэта.

Крич Томас (1659—1700) переводил Горация и Лукреция.

С. 290. Оглби Джон (1600—1676) переводил Вергилия и Гомера.

Олдем Джон (1653—1683) писал пиндарические оды (жанр, введенный в английскую литературу А. Каули — см. коммент. к с. 285).

Бен Афра (ок. 1640—1689) писала пиндарические оды.

...всячески избегая прямого пути... — Намек на «необузданность» поэзии Пиндара.

...со свистом полетел... — Пародируется часто повторяющийся штамп у Блекмора.

Доспехи его были составлены из тысячи несообразных кусков... — Противники обвиняли Бентли в том, что его знания почерпнуты из словарей и указателей к ученым трудам.

С. 291. Скалигер Жозеф-Юст (1540—1609) — крупнейший в свое время ученый-классик. В «Сказке бочки» идет речь о его отце, гуманисте Юлии Цезаре Скалигере (1484—1558).

Альдрованди Улисс (1522-1605) — итальянский врач и естествоиспытатель. Здесь развивается ранее введенная метафора: библиотеки уподоблены кладбищам, где книги, в данном случае тома сочинений Альдрованди, лежат в могилах и сами становятся могилами знаний.

С. 292. ...он засунул его в раскаленного быка, где тот ревел благим матом... — Речь идет о сделанном по приказу Фаларида медном быке, внутрь которого помещали осужденного и разводили огонь, жертва кричала — и бык издавал рев.

...из близлежащего родника, именуемого на языке смертных Геликоном. — Геликоном называлась в Греции гора, где обитали музы и протекал источник вдохновения Иппокрена; существовавший также источник Геликон не имел к музам отношения. Ошибка, допущенная Свифтом, встречается и у других писателей.

С. 293. ...принял образ... — В полемике с Бентли Бойлю оказывали помощь разные лица. Здесь имеется в виду его университетский наставник Фрэнсис Аттербери (Atterbury, 1662 — 1732), который принимал большое участие в изданном под именем Бойля в марте 1698 г. памфлете «Рассмотрение рассуждений доктора Бентли о письмах Фаларида и баснях Эзопа» («Dr. Bentley's Dissertation on the Epistles of Phalaris and the Fables of Aesop Examin'd»). Заключительный эпизод «Битвы книг» символизирует окончательную победу «древних», достигнутую этим памфлетом.